

5. *Sherwin-White A.N.* Roman foreign policy in the East. 168 B.C. to A.D. 1. Duckworth, 1984. P. 81.
6. См.: *Welles C.B.* Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven, 1934; *Frankel M.* Die Inschriften von Pergamon. Bd. 1–2. Berlin, 1890–1895; *Allen R.* The Attalid Kingdom: A Constitutional History. Oxford, 1983.
7. См.: *Wilken U.* Attalos III. Real Encyclopedie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1896. Bd. 2. S. 2176; *Foucart P.* La formation de la province Romaine d'Asie // Memoires de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1904. T. 37. P. 297–339; *Cardinali G.* La morte de Attalo III-e la rivolta di Aristonico // Saggi di Storia Antica e di Archeologia off. a. g. Beloch. Roma, 1910. P. 269–320.
8. См.: *Климов О.Ю.* Экономическая политика Атталидов Пергама // Тез. докл. IX Всесоюз. авторско-читательской конф. журнала «Вестник древней истории». М., 1984. С. 35; *Он же.* Престолонаследие в эллинистическом Пергаме // Античное общество и государство. Л., 1988. С. 116–126; *Он же.* Царская власть в эллинистическом Пергаме // Политика и идеология в древнем мире. М., 1993. С. 55–69; *Он же.* Центральная власть в эллинистическом Пергаме // Социальные и естественные науки в педагогическом вузе: Тез. науч.-практ. конф. Мурманск, 1996. С. 5; *Он же.* Центральная власть в эллинистическом Пергаме // Изучение и преподавание всеобщей истории в вузе. Мурманск, 1998. С. 19–32; *Он же.* Пергамское царство: проблемы истории и государственного устройства: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2001. С. 15–16.
9. *Вебер Г.* Курс всеобщей истории. Т. 1: История древности. М., 1860. С. 500, 518.
10. История Востока. Т. 1: Восток в древности. М., 1997. С. 529.
11. *Grant M.* From Alexander to Cleopatra. The Hellenistic World. N.Y., 1982. P. 70.
12. *Fontane M.* Rome. Paris, 1891. P. 303.
13. *Ковалев С.И.* История Рима: 2-е изд. Л., 1986. С. 330.
14. http://www.megakm.ru/bes_98/enciclop.asp?TopicNumber=4504
15. *Хафнер Г.* Выдающиеся портреты античности: 337 портретов в слове и образе. М., 1984. С. 75–76. Аттала III Филометор Эвергет // Портреты античности // <http://portreta.narod.ru.a003.htm>
16. *Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 285.
17. *Фролов Э.Д.* История эллинизма в биографиях его творцов: Предисловие // *Бенгтсон Г.* Правители эпохи... С. 24–25.
18. *Тополянский В.Д., Струковская М.В.* Психосоматические расстройства. М., 1986. С. 134, 55..
19. *Ануфриев А.К.* Патология общего чувства и аффективные расстройства с эквивалентами // Психосоматические расстройства при циклотимных и циклотимоподобных состояниях. М., 1979. С. 10.
20. См.: *Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступника и расследований преступлений. М., 1996. С. 38–39.
21. *Гиляровский В.А.* Предисловие // Соматопсихические расстройства. М., 1946. С. 3.
22. *Кельмишкейт Э.Г.* Астеновегетативный синдром при вяло протекающей перемежающе-поступательной шизофрении // Психосоматические расстройства при циклотимных и циклотимоподобных состояниях. С. 116.
23. *Каргопольцев В.В.* Особенности клиники и диагностики маскированной депрессии в период инволюции // Там же. С. 89.
24. См.: *Ротенберг В.* Образ я // <http://lib.ru/PSIHO/ROTTENBERG/obrazya.txt>
25. *Штоль Г.* Боги и гиганты. М., 1971. С. 120.

© 2003 г. С.В. Горячая

РОЛЬ «СМЕНОВЕХОВЦЕВ» В КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В последние годы значительно возрос интерес к истории русской эмиграции, ее культурному наследию. Видимо, потому, что именно культурное наследие эмиграции оказывает большое влияние на развитие общественных процессов современной России.

Эмиграция – это явление, присущее всем странам и народам. Но особую роль она сыграла и играет в истории России. Ни одна страна мира не испытывала на себе столь массового оттока наиболее дееспособной, культурной части своего населения. После революции и гражданской войны за пределами России оказались лучшие российские ученые, писатели, музыканты, архитекторы, цвет армии. Достаточно вспомнить, что из четырех российских Нобелевских лауреатов по литературе, трое были эмигрантами. Такая пропорция в полной мере относится

и ко многим другим областям науки и культуры. Ни одна страна не переживала столь крутого поворота, отказа от всей предшествующей, более чем тысячелетней истории и культуры. (После победы большевиков в России взялись за ликвидацию русской культуры и создание новой, более передовой, интернациональной советской культуры.) Фактически после 1917 г. была прервана связь времен, и Россия – российское общество, культура – подверглись различного рода трансформациям.

Поэтому сейчас для России столь важно культурное наследие эмиграции, т.е. российского зарубежья. Именно в зарубежье российские эмигранты смогли сохранить лучшие традиции культуры старой России. И не только сохранить, но и творчески развить, соединить с лучшими образцами культуры западного

мира. Сейчас, когда Российское государство мучительно ищет свой насильственно прерванный исторический путь, особую ценность приобретает то послание, которое донесла до нас русская эмиграция.

До недавнего времени история и культура российского зарубежья рассматривалась в нашей стране с позиций косвенных «политических улик» [1, с. 5]. Был создан и навязывался стереотип «белой» эмиграции, сплошь ненавидящей революционную Россию. И этот факт делает очевидным необходимость всестороннего и непредвзятого осмысления проблем русской эмиграции.

Исследователи, занимающиеся анализом истории российской эмиграции, обычно выделяют два периода историографического накопления знаний: советский и современный [2]. Первые работы советских авторов, раскрывающие некоторые аспекты деятельности русской эмиграции, появились уже в 20-е гг. Это были книги и статьи А. Бубнова, А. Вронского, В. Киршока, А. Луначарского [1]. Они являлись не столько историческими исследованиями, сколько выполняли заказ правящей партии. К современному периоду следует отнести работы, вышедшие в 80 – 90-е гг., написанные как с позиций традиционных историографических исследований, так и новых.

В очерках по истории русского зарубежья Н.А. Омельченко рассматривает такие серьезные вопросы, как отношение русского зарубежья к произошедшим в России событиям, проблеме русской революции, перспективам эволюции большевистского режима и т.д. Появились издания и энциклопедического характера [4].

В июле 1921 г. в Праге группой известных деятелей либерального движения был издан сборник статей «Смена вех», который дал название направлению общественно-политической мысли, что вызвало широкий резонанс не только среди российского зарубежья, но и в Советской России. Благодаря именно «сменовеховцам» русская эмиграция в течение 20-х гг. обсуждала проблему «эволюции» – сущности большевистского режима, его способности осознать и защищать национальные интересы России, проблеме позитивного опыта большевистской власти и т.д.

Значительная часть русской интеллигенции, оставшейся в России, перешла на позиции «сменовеховства». В выходивших в этот период в Советской России изданиях – «Новая Россия», «Россия», «Экономист», «Экономическое возрождение», «Мысль» – тоже прослеживались «сменовеховские» идеи.

Именно «сменовеховцы» были в начале 20-х гг. единственной группой русской либеральной интеллигенции, занявшей благожелательные позиции к правящей в России партии и проводимой ею политике. Они хотели видеть Россию великой, а советская власть сумела объединить страну, осуществила миссию национального возрождения, заставила державы Антанты и весь мир считаться с Россией как великой державой, т.е. достигнуто было, с их точки зрения, главное.

Следующим этапом деятельности «сменовеховцев» было издание одноименного журнала, вышедшего в Париже 29 октября 1921 г. Каждый номер состоял из 24 страниц, а последний содержал общий указатель предыдущих номеров. Редактором журнала являлся профессор Юрий Вениаминович Ключников. Он уже был известен как один из авторов сборника статей «Смена вех». Среди авторов были профессора Н.В. Устрялов, С.С. Чахотин, Ю.Н. Потехин, С.С. Лукьянов, а также бывший петербургский адвокат А.В. Бобринцев-Пушкин.

Они развивали и популяризировали свою программу, первоначально представленную в сборнике. Изначально кадеты Ключников и Устрялов, имевшие различные политические взгляды, считали, что эмигрантская интеллигенция должна признать ошибочность своей тактики, отказаться от идеи свержения советской власти и с большевиками работать над созданием новой России [5]. Исповедуя идеологию национал-большевизма, они рассчитывали на преодоление большевизма изнутри, эволюционно. Свообразие исторического момента, определившего их «смену вех», – в переходе России от великой утопии к здравому смыслу в экономике, к трезвому расчету; начался процесс «спуска на тормозах», «второй день революции»; Россия внутренне изжила ортодоксально коммунистический период и перешла к стадии эволюции [6]. В нэпе они усматривали отход от революционного экстремизма, смену революционного пути на эволюционный.

Россия, революция, интеллигенция – лейтмотивы программы «сменовеховцев». О культуре, литературе, искусстве в журнале написано по объему немного, но им отведено важное место в программе. Авторы исходили из того, что лишь мощное государство может обладать великой культурой. Растерзанная в клочья страна, лишенная единого политического и экономического руководства нация не способна продолжать дело Толстого и Достоевского, Менделеева и Кропоткина, Васнецова и Врубеля, Мусоргского и Скрябина. Чтобы можно было говорить о великой русской культуре, о русском «мессианизме», нужна прежде всего великая Россия. И лишь сильная власть революции может возродить международный престиж России.

Мысль о мессианстве русского народа, которому суждено потрясти мир не только грандиозным сломом старого, но и созданием нового, разумного, прекрасного [7], вызвала перелом в сознании «сменовеховцев», привела их к приятию революции, признанию исторической неизбежности ее и большевизма в России. Русская интеллигенция с ее исконным радикализмом без различия направлений предстает в их толковании максималистской, большевистской; большевизм лишь исполнил заветы русской интеллигенции. Борьба русской интеллигенции против самодержавия создала в России, по мнению А. Бобринцева-Пушкина, своеобразную «дисциплину идей» [8]. В России существовали две цензуры, одинаково смотревшие на человеческую мысль как на нечто

утилитарное. Поколениями воспитанная в ненависти к власти, интеллигенция приучилась отождествлять правительство с государством и родиной. Религия, мораль, искусство расценивались ею прагматически – по общественно-политическим выводам. Принцип национальной культуры был провозглашен реакционным и шовинистическим. В 1909 г. «Вехи» (к ним чаще других апеллируют Устрялов и Ключников) по итогам революции 1905 г. подвергли суровой критике традиционный путь русской интеллигенции; их осмеяли, отлучили от «интеллигентской церкви». После Февральской революции, называемой сменовеховцами переворотом, интеллигенция, соприкоснувшись с властью, государством, ощутив свою ответственность за него, стала пересматривать свой политический багаж. Но было уже поздно: грянула революция, облекшая плотью и кровью давние фантазии русской интеллигенции, оживотворилась история русской политической мысли – от идей декабристов, либерализма западников и славянофильского идеализма, до нигилистических отрицаний шестидесятников, до утопий Чернышевского, до французских и немецких формул Бакунина, «слушали Рудных, созерцали Волоховых, болтали Степаны Трофимовичи, пришло и младшее поколение... и Шигалевы, и Верховенские» [9, с. 16]. Увидев воплощенными свои мечты в крайних формах, интеллигенция в ужасе отшатнулась. «Восставшая против самой себя, против своей истории, армия интеллигенции была разбита наголову» [9, с. 17]. Одно из основных обвинений, предъявляемых «сменовеховцами» интеллигенции, было то, что она не хочет узнавать себя в революции, познать себя, покаяться.

«Сменовеховцы» в духе критикуемой ими радикальной интеллигенции дают образцы утилитарно-идеологического прочтения истории и литературы, в основе их критериев оценки – отношение к мессианскому предназначению России, а тем самым к революции как одному из главных его проявлений. Они прослеживают в русской истории и литературе свою «великую традицию» – от Радищева и особенно Белинского – до XX в. Сюда вписан Чаадаев как предсказатель национального кризиса, заложенного в русской стихии и необходимого в плане всемирно-историческом, таким образом Россия исполнит свое мировое предназначение и явит великий урок.

В их «великую традицию» вошли Достоевский и Блок. Достоевский – как «антитеза» и одновременно «пророк» революции, любовь к которой сродни ненависти, смешанной со страхом, даже с ужасом [10].

У Блока «сменовеховцы» слышат его увещевания интеллигенции – «всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушать революцию» – и ценят поэму «Двенадцать».

В «Смене вех» дебютировал Р. Гуль. В эссе «Дом в вечности» (№ 9) он прослеживает традиции русской революции, вскрывающей «тело народа» и обнажающей его дух, определяя ее как «всеобщее горение», как «жажду горения», воплощенные в неистовом Аввакуме, от которого «пошли Толстые, Достоевские,

Гоголи, Соловьевы, Федоровы, Розановы, т.е. то, что составляет особенно «наше».

Пафос журнала – антиэмигрантский. Поэтому главным объектом полемики являлась газета «Общее дело». Она свидетельствовала, с точки зрения «сменовеховцев», о расползании «центра» русской эмиграции в «крылья», о возникновении русской реакции. Критике подвергался в «Общем деле» А. Аверченко с его «обывательскими вздохами» по «царским золотопогонникам», с его «ходкими идейками» о преимуществах старого режима. «Эмиграция поляризуется, отходит от либерально-демократической идеологии» [6]. С точки зрения «сменовеховцев», эмигрантский лагерь живет напряженно-призрачной жизнью, выплывают и тонут очередные рецепты спасения России. «Сменовеховцам» кажется очевидной вненародность эмиграции, неприемлющей революцию, что ставит ее вне России, «страдающей и побеждающей, а не выдуманной» [11]. Эмиграция предстает на страницах и сборника, и журнала как сила разрушительная, враждебная для России.

Остро критикуется Д.С. Мережковский как романист, неспособный передать дух описываемых им эпох, в том числе и современной, историк и политик, которому не дано понять великой международной роли России, ее мессианства, воспринимающий большевиков как чужеродную, нерусскую силу. Оправдание им гражданской войны «самою глубокою точкой зрения – религиозною» расценивается как кощунство, низведение религии до утилитарной роли [12].

Направленность журнала была антизападническая. «Сменовеховцы» были славянофилами, разочарованными в западной цивилизации, которая основывалась, на их взгляд, на «экономическом рабстве» [8]. Постоянный мотив журнала – европейский и мировой международный социально-экономический кризис [13]. «Сменовеховцам» было близко свойственное Достоевскому признание исчерпанности петровских реформ, отсутствия народной основы у петровского самодержавия. Они были убеждены в том, что славянофильство побеждало западничество своею верою в беспредельность русских возможностей. Только тот, кто таил в себе зерно этой веры, мог быть большим человеком в истории русской общественной мысли [14].

В «Смене вех» печатались в основном «ангажированные» литературные произведения, литературно-критические и искусствоведческие статьи. Например, рассказ Бобрищева-Пушкина «Кошмар Ивана Ивановича» (№ 1) – сон русского эмигранта: народ земного шара решает сам свою судьбу и отдает предпочтение пролетарскому пути. В 19 номере были помещены любительские стихотворения полировщика по металлу Алексея Кислицина (Париж) «Бессонные ночи» и молодого добровольца – юнкера П. Стругулина (Загреб) «Листья опавшие» – о судьбе белой армии. В статье Е.Северской (Париж) «Венец из терний и роз» (№ 16) давался анализ только вышедших в России сборников стихов А. Ахматовой, Ф. Сологуба, С. Есе-

нина. Резюме было характерным для общей направленности журнала: «Ощупью, в жестокости и страданиях, шел и идет к своей великой цели русский народ. С ним, сплетая ему венец из терний и из роз, идут его поэты» [15].

В рубрике «Из России» помещались стихи М. Кузмина и С. Городецкого. Они были представлены как два разных, но одинаково характерных для революционной эпохи поэта: один ищет, как бы забыть от революции, другой поет радостные гимны (№ 2); стихотворение искусствоведа, друга В. Розанова, Э. Голлербаха «Михаил Кузмин» (№ 5); последнее стихотворение А. Блока «Пушкинскому дому» и его эссе «Владимир Соловьев и наши дни» (№ 1); статья публициста В. Дорошевича «Красные и белые» (№ 1), рассказы и очерки писателя В. Муйжеля – о быте и нравах времен российской революции.

В журнале целенаправленно создается картина «живой жизни» литературы и искусства в советской России. Профессором П.С. Коганом сделана попытка показать, что все главное в русской литературе совершается в России, эмигрантская же литература находится в кризисе – «мещанский дух» Европы не может вдохновить русских писателей [16]. В России процветает театр, в отличие от западного театра, застывшего в своих формах. Революция, по Бобрищеву-Пушкину [17], потрясла русский театр до основ, спасла его от застоя.

В искусствоведческих статьях показывалось, как бережно в Советской России относятся к памятникам прошлого, как оживает искусство [18].

Общим выводом «сменовеховцев» было то, что русская интеллигенция обрела себя в революции, открывшей большой простор для творчества... Актеры, художники, режиссеры, драматурги только теперь осознали, насколько революция освободила их от рынка, мешавшего творчеству быть проводником культуры. На протяжении долгого времени в России сложилось своеобразное и противоречивое «разделение труда»: интеллигенция творила культурные ценности, не проникавшие в народ и не руководившие властью; носители власти управляли страной, вопреки идеалам интеллигенции и в нарушение хозяйственных интересов «народных масс», а те строили свое хозяйство вне понимания интеллигентской культуры и в ненависти к представителям власти и их политическим и правовым принципам. Сейчас же намечался единый синтез русских культурных миров: давно признанного культурным и таинственного, многоликого – народного [19].

Журнал постоянно публиковал письма из Москвы и Петербурга, создающие впечатления бурления жизни: лекции, диспуты, театры, концерты, новые издательства, журналы. «Сменовеховцы» видели свою цель в том, чтобы доказать предубежденным русским эмигрантам, что происходит грандиозное «перевоспитание» русского народа, ликвидируется неграмотность, создается новая рабочая полуинтеллигенция, формируется новое понимание власти, в новые сферы устремляется искусство.

Журнал призывал эмигрантскую интеллигенцию вернуться в Россию, если не в буквальном, то в переносном смысле. Он предлагал общую и конкретную формулу примирения и сотрудничества с Москвой: не собственно возвращение, а подготовку к нему, установление контактов с московской властью, а эмиграция должна помочь иностранцам понять и осмыслить русскую революцию, примирить «цивилизованный» мир с новой Россией [20].

Обращает на себя внимание лексика «сменовеховцев», усвоивших советскую политико-бюрократическую терминологию («народные массы», «перевоспитание масс», «хозяйственный фронт» и т.д.). Они пришли к выводу, что наступил новый этап. «Смена вех произведена, позиции заняты... Ощущение того, что мы накануне. Накануне великого дня» [21].

Последний номер журнала «Смена вех» вышел в Париже 25 марта 1922 г. «Сменовеховцам» оказалось дальше легче работать в Берлине, где еженедельник «Смена вех» сменился ежедневной газетой «Накануне».

Сборник и журнал «Смена вех» вызвали много откликов. Эмиграция в большинстве своем отвергала «сменовеховство» и национал-большевизм. В самой России «сменовеховство» вызвало интерес и позитивные отклики в официальной прессе – «Правде» и «Известиях», хотя не без критических замечаний по поводу тезиса о перерождении революции в эволюцию. И все же среди интеллигенции нашлись люди, объявившие себя «сменовеховцами».

«Смена вех» оказалась решающей вехой и для авторов. Происходит быстрая эволюция взглядов и быстрое расхождение. На правом крыле в одиночестве оказался Устрялов, на другом, левом – Ключников, Бобрищев-Пушкин и т.д. – бывшие его единомышленники...

Летом 1923 г. из Берлина в Советскую Россию вернулись многие «сменовеховцы»: Ю.Н. Потехин, Г. Алексеев, А. Толстой, А. Дроздов, И. Соколов-Микитов, И.М. Василевский, А.В. Бобрищев-Пушкин и др. Перед возвращением на родину А. Толстой опубликовал в газете «Накануне» свои размышления, подводящие итог его эмигрантской жизни: «Я возвращаюсь домой на трудную жизнь. Но победа будет за теми, в ком пафос правды и справедливости, – за Россией, за народом и классами, которые пойдут с ней, поверят в зарю новой жизни» [22].

По-своему это были пророческие слова. Для многих вернувшихся «заря новой жизни» обернулась трагедией в годы сталинского режима.

У «сменовеховства» в Советской России оказалась широкая база среди интеллигенции, специалистов и военных, вынужденных служить у большевиков. Уже с самого начала они нуждались в идеологии, оправдывающей это служение. Появление «Смены вех» оказалось сильнейшим катализатором в отношениях этой группы к советской власти.

Советские источники, не заинтересованные в завышении влияния «сменовеховства», публиковали следующие факты. Из 230 опрошенных в 1922 г. ин-

женеров 110 стояло на его позициях. В 1922 г., по данным негласного обследования командного состава Костромского гарнизона, «сменовеховцев» среди них оказалось 10 % [23].

«Сменовеховцы» открыто действовали в Ленинграде, Москве, Казани, Воронеже, Томске, Орле, Гомеле, Ростове-на-Дону, Краснодаре. Происходил уникальный в своем роде процесс формирования нового общества, и никто не имел политического опыта, чтобы полностью в том разобраться.

Роль культурного наследия «сменовеховцев» сложно переоценить. Сборник и журнал «Смена веков» сами по себе уже представляют историческую ценность. Статьи, дискуссии, литературные произведения живо рассказывает нам о том далеком времени. «Сменовеховцы» пытались ответить на волнующие их вопросы, искали компромиссы, и все ради цели – видеть свою Россию великой и могущественной державой. Судьбы российской эмиграции – неотъемлемая часть истории, культуры, общественной мысли, социальной и духовной жизни России. Возможно, пристально изучая их наследие, мы найдем ответы и на свои вопросы.

Литература

1. *Омельченко Н.А.* Политическая мысль русского зарубежья. М., 1997.
2. *Малыхин К.Г.* Большевицкая модернизация России и русское зарубежье 20 – 30-х годов. Ростов н/Д, 2000. С. 14.
3. *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Париж, 1980; *Квакин А.В.* Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период НЭПа. 1921 – 1927 гг. Саратов, 1991; *Мануйлов В.И.* Две парадигмы (Опыт современного прочтения «Смены веков») // Полис. 1991. № 3.
4. Русское зарубежье 1918 – 1940 гг. Золотая книга эмиграции. Периодика и литературные центры. М., 1997. С. 439.
5. *Чухотин С.С.* В Каноссу // Смена веков. Прага, 1921; *Он же.* Психология примирения // Смена веков. № 15.

6. *Устрялов Н.В.* Две реакции // Смена веков. № 4; *Он же.* Проблема возвращения // Смена веков. № 11; *Лукьянов С.С.* Эволюция // Смена веков. № 5.
7. *Чухотин С.С.* «Чумазый» или «хам»? // Смена веков. № 17.
8. *Бобринцев-Пушкин А.В.* Свобода – равенство – братство // Смена веков. № 4.
9. *Устрялов Н.В.* Духовные предпосылки революции // Смена веков. № 9.
10. *Потехин Ю.Н.* Две правды: Достоевский и революция // Смена веков. № 6.
11. *Потехин Ю.Н.* Фатальный тупик // Смена веков. № 2.
12. *Бобринцев-Пушкин А.В.* Мистика на службе // Смена веков. № 3; *Он же.* Кошунство // Смена веков. № 8.
13. *Ключников Ю.* Международное значение России // Смена веков. № 1; *Потехин Ю.* Перед катастрофой // Смена веков. № 15; *Он же.* Мировой кризис // Смена веков. № 18.
14. *Потехин Ю.* Борьба за личность // Смена веков. № 10.
15. *Северская Е.* Венец из терний и роз // Смена веков. № 16. С. 21.
16. *Коган П.С.* Поэзия Октябрьской революции // Смена веков. № 7.
17. *Бобринцев-Пушкин А.В.* Драматический театр в России // Смена веков. № 2.
18. *Лукомский Г.* Охрана памятников и старины в России // Смена веков. № 15; *Голлербах Э.* Охрана предметов искусства в Царском селе // Смена веков. № 5; О выставке Общества Куинджи в Петрограде // Смена веков. № 5; Заметки о художественной жизни. К вопросу о передвижных музеях. Судьба Юсуповских Рембрандтов // Смена веков. № 14; *Светляков Я.* Она ожила. Беседа с ректором Академии художеств А.Е. Белогрудом // Смена веков. № 5.
19. *Лукьянов С.* Революционное творчество культуры // Смена веков. № 8.
20. *Устрялов Н.* Проблема возвращения // Смена веков. № 11.
21. *Передовая* // Смена веков. № 20. С. 3.
22. *Толстой А.* // Накануне. 1923. 27 июля.
23. *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Париж, 1980. С. 104.

Ростовский государственный педагогический университет

10 декабря 2002 г.

© 2003 г. *К.Г. Малыхин*

ПРАВАЯ РУССКАЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭМИГРАЦИЯ В 20 – 30-е гг. XX в.: ОЦЕНКА БОЛЬШЕВИЦКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

20 – 30-е гг. явились серьезным этапом творческих исканий для целой плеяды известнейших людей России. Гражданская война и последовавшие за ней события вызвали массовый исход интеллигенции. Общеизвестно, что многие русские интеллигенты не смогли принять теорию и практику новых хозяев России, что привело к изгнанию.

Русская эмиграция, особенно в первые годы изгнания, мучительно искала свой путь возвращения на

Родину. Естественно, эмиграция тщательно анализировала факторы, приведшие к поражению белого движения, пыталась понять ошибки, допущенные в ходе борьбы с большевиками. В 20-е гг. в русской диаспоре произошел процесс размежевания, в ходе которого выработывалась новая программа и тактика либерального движения.

Российская интеллигенция, принимавшая базисные идеи либерализма, по-разному подходила к оцен-